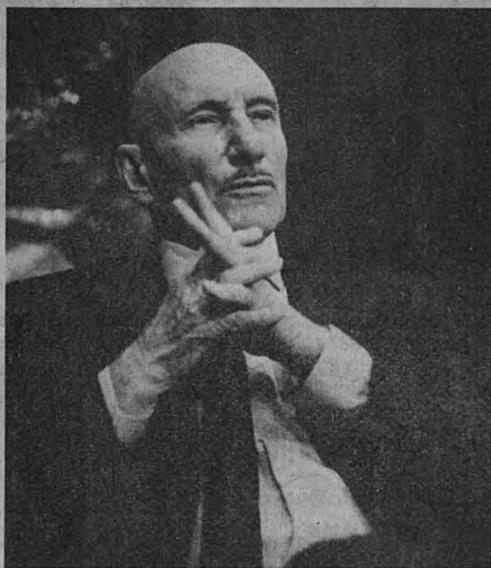

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

ЖЕЛАЙТЕ СТАТЬ МУДРЫМИ...

Почти вся история советского кино отразилась в судьбе этого человека. Кинорежиссера, литератора, актера, педагога. Сотни талантливых деятелей кинематографа с гордостью называют народным артистом СССР, Героя Социалистического Труда Сергея Аполлинарьевича Герасимова своим учителем.

Сегодня с ним беседует наш корреспондент.

— Сергей Аполлинарьевич, многие художники, насколько мне известно, избегают разговора о творческих планах (есть примета — не сбываются). Поэтому давайте сначала обратимся к прошлому. Вы уже почти шестьдесят лет работаете в кино... С чего начинали?

— Начало было довольно забавным. В то время я учился в Ленинградском художественном училище. И вот приходит однажды ко мне мой приятель по учебе Иван Дорер и говорит: «Пойдем покуримся».

— То есть?

— Сейчас объясню. Было мне тогда, представьте себе, только семнадцать, и от такого предложения я, естественно, не отказался. Иван привел меня на улицу Пролеткульта и, показав на какой-то большой дом, загадочно произнес: «Это ФЭКС». Позже я узнал, что это интригующее слово расшифровывалось так: «Фабрика эксцентрического актера». Вошли мы и в одном из залов «фабрики» действительно увидели десятка два юношей и девушек, кувыркающихся на большом красном ковре.

— Предложение приятеля, как я понимаю, оказалось вовсе не шуткой...

— Как видите... А руководили всей этой шумной компанией молодые люди, имена которых теперь известны очень многим. Это были Леонид Трауберг и Григорий Козинцев...

— Классики советского кино?

— Ну, положим, классиками они

стали чуть позднее. Первому шел тогда двадцать первый год, второму — едва исполнилось восемнадцать.

— По возрасту они ненамного ушли от вас...

— Но авторитетом... Все, кто ходил в ФЭКС, слушали этих двух юных «мэтров», раскрыв рты. С Григорием Михайловичем мы сразу подружились. Уже при первой встрече он, не откладывая дело в долгий ящик, предложил мне... роль Гамлета. При этом, правда, высказал одно условие: я должен был понять и принять принципы руководимой им актерской мастерской.

— Что же это были за принципы?

— Ее программа была изложена в небольшой брошюре, на обложке которой большими буквами было написано: «Алле-гоп! Парод эксцентрика!» А чуть ниже был девиз: «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей». Мастерская решительно отрицала классическое наследие искусства. А чтобы легче было «отрицать», ее активисты были оснащены целым арсеналом трещоток и свистков, с помощью которых можно было устроить obstruction любому спектаклю любого академического театра. Честно говоря, меня, воспитанного в преклонении перед «авторитетами» театра, прозял тогда душевный трепет — очень уж шокирующими были предлагаемые мне «принципы».

— И вы их не приняли?

— В том-то и дело, что принял.

Было в ФЭКСе что-то молодое, задорное...

— И долго вы там «кувыркались»?

— Пока Козинцев не досмотрел в Москве «Стачку» — фильм Сергея Эйзенштейна. Однажды вечером он собрал нас всех и грустно объявил: «Наступили новые времена. Все, чем мы до сих пор занимались, — детский лепет. Больше этого делать не будем. Я видел «Стачку».

Тот невеселый разговор и положил начало настоящей работе...

— Работе в кино?

— Да, уже в двадцать пятом году я дебютировал как актер. Играл в фильмах «мэтров» разных шпиков, авантюристов. Хорошо начинал, да?

— А когда вы обратились к режиссуре?

— В тридцать первом году сыграл отрицательную роль (везло же мне на них!) в фильме Козинцева и Трауберга «Одна». В съемочной группе я был задействован не только как актер, но еще и как ассистент режиссера... Видимо, проявил себя неплохо, потому что вскоре получил «повышение» — Козинцев предложил мне разделить с ним руководство мастерской на киноотделении Института сценических искусств. Спустя год мастерская полностью перешла под мое начало. В ней я и снял свой первый звуковой фильм «Семеро смелых».

— А вскоре создали и другие, не менее известные фильмы — «Комсомольск», «Учитель»... У всех этих кинокартин есть одна общая черта — актуальность, разработка современной тематики. Этим же достоинством отличаются и ваши работы более позднего периода — «Журналист», «У озера», «Любить человека», «Дочки-матери»...

— Но, если вы заметили, время от времени я обращаюсь и к другим эпохам...

— Да, и в связи с этим такой вопрос: не была ли ваша работа над кинокартинами «Маскарад», «Тихий Дон», «Красное и черное», «Юность Петра» некоторым отходом от главной линии вашего творчества?

— Ну зачем же здесь слово «отход»? Для меня понятия «история» и «современность» не являются конфронтирующими. Осмысливать сегодняшний день можно только в его взаимосвязи с прошлым.

— Итак, Сергей Аполлинарьевич,

освоение современной темы всегда шло у вас параллельно с разработкой темы исторической... Вы и сейчас не изменяете этому принципу?

— Разумеется, нет. Уже несколько лет готовлюсь к работе над фильмом о Льве Толстом. Сам думаю сыграть старого Толстого. Актер на роль молодого Льва Николаевича еще не подобран.

— Интересно, а как вообще рождается замысел фильма?

— Трудно даже сказать... Ну, к примеру, возникла у меня как-то идея создать автобиографический фильм. Поехал на Урал, походил по берегам озера Чебаркуль, где прошло мое детство. Тридцать пять лет не был я там... За это время все изменилось. Изменился, конечно, и я. В общем, название для кинокартины у меня уже было — «У озера». И необходимый багаж мыслей, воспоминаний тоже был... Можно приступать к работе, так ведь? Но как раз в это время разгорелась газетная полемика вокруг Байкала. С Урала я поехал в Сибирь и попал в самую гущу перепалки по поводу судьбы этого озера. Постепенно биографические мотивы, на которых я собирался «строить» фильм, растворились в масштабах открывшейся мне проблемы охраны уникальных вод Байкала. Да, я снял фильм «У озера». Только «озеро» стало другим. Скромный, мало кому известный Чебаркуль уступил место великому Байкалу. Это только один пример. Но так всегда.

— Сергей Аполлинарьевич, судьбы всех ваших фильмов складываются удачно. Но, наверное, бывают и критические замечания? Как вы относитесь к критике?

— Как и все: когда критикуют — плохо, когда хвалят — хорошо. Но, если серьезно, плохо я отношусь к критике только тогда, когда она начинает все упрощать: вот эту сцену режиссер снял так, а надо бы этак. Иной раз такие суждения вызывают улыбку, а иной раз и обидят своей поверхностностью, категоричностью...

— Например?

— Ну вот, допустим, снял я фильм «Журналист»... И вскоре мне кое-кто начал говорить: «Послушайте, дорогой, разве можно всерьез принять вашу версию на счет личных отношений журналиста-международника Алябьева и этой провинциальной работницы Шуручки Оксеевой? То, что он ей понадобился, — это понятно. Но

ему-то она зачем? Ведь вполне respectable человек...» Подобные разговорчики вызывают у меня чувство глубокой досады. Самое неприятное, что здесь чувствуется некая мещанская подоплека... Что за чепуха! Что за болтовня про богатых и бедных! Что за попытка с помощью мелких мерок судить о человеческих судьбах! В жизни нет стереотипов. Вот у меня есть племянница, она психолог, возглавляет в Волгограде один из научных центров. Муж у нее — лифтовой механик. Любопытно, что библиотеку в доме именно он собрал. Ей некогда.

— Сергей Аполлинарьевич, раз уж вы упомянули здесь одну из своих родственниц, я вынужден заметить, что, рассказывая о первых годах своей артистической деятельности, вы один существенный эпизод упустили. Я имею в виду вашу встречу в мастерской ФЭКСа с Тamarой Федоровной Макаровой. Ныне она народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда...

— Да, конечно, работа над комедией Вениамина Каверина «Чужой пиджак» — это для нас не просто веха в творческой биографии, но и еще точка отсчета в супружеской жизни...

— Вместе с Тamarой Федоровной вы ведете мастерскую во ВГИКе...

— «Семейных забот», как видите, пруд пруди...

— И справляется?

— В старину говорили: ребенка надо воспитывать, пока он поперек лавки лежит. Ну, а нынешнего студента вдоль лавки не уложишь. Так что хлопот хватает. Сейчас мы с Тamarой Федоровной набрали девятую группу студентов. Говим и актеров, и кинорежиссеров. Стремимся привить своим подопечным — это в первую очередь — высокую гражданственность, жизненную активность, без которых немислим настоящий художник. Мастерскую нашу закончили такие известные ныне режиссеры, как Лев Кулиджанов, Сергей Бондарчук, Татьяна Лиознова, Николай Губенко...

— Сергей Аполлинарьевич, ваша профессия требует многочисленных специальных навыков, разнообразных познаний и умений. Какое из этих «умений», на ваш взгляд, самое главное?

— Вот и студенты об этом спрашивают. И я им всегда отвечаю примерно так: «Не ограничивайтесь лекциями. Проявляйте инициативу. Будьте внимательны ко всему, что происходит вокруг. Читайте, ходите в музеи, театры, выставочные залы. Желайте стать мудрыми — и обязательно станете ими».

Беседу вел А. МОГУЧИЙ.